

ЛОКШТАНОВА Л. М.

О КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ ФОРМ ИНДИКАТИВА В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

История датского языкознания XX в. вплоть до последнего десятилетия характеризовалась почти безраздельным господством идей Х. Вивеля — П. Дидериксена в области теоретической грамматики датского языка [1, 2]. Считалось, в частности, что единицами морфологии могут быть только синтетические элементы. Соответственно в глагольную парадигму включались лишь немногочисленные синтетические формы, в то время как «описательные конструкции» рассматривались в разделах об инфинитиве и причастии. И в наши дни авторитетные датские лингвисты продолжают считать элементами глагольной парадигмы лишь синтетические формы [ср. 3, 4]. Вместе с тем потребности практики преподавания датского языка как родного в самой Дании или как иностранного за рубежом неизбежно приводили к включению аналитических форм в число изучаемых единиц [ср., например, 5, 6]. Однако теоретическому пересмотру положение о синтетизме датской глагольной системы начинает подвергаться лишь в самые последние годы и в первую очередь благодаря осознанию системного характера языка. В этой связи заслуживают самого пристального внимания работы двух датских исследователей, содержащие критику традиционной теоретической концепции. Речь идет о монографии Н. Бервига [7] и о статье Э. Урскоу [8].

Формулируя свое отношение к существующим описаниям глагола в датском, Э. Урскоу пишет, что большинство из них оказываются непригодными — либо неполными, либо совершенно неправильными [8, с. 295]. Э. Урскоу включает в рассмотрение на уровне парадигматики, помимо презенса и претерита, формы перфекта и плюсквамперфекта. Она отмечает также, что на многих кафедрах Копенгагенского университета в качестве основы для контрастивных описаний в последние годы все большее значение приобретает грамматическое учение К. Миккельсена. К. Миккельсен выделил восемь форм индикатива в датском: *nutid* (præsens), *datid* (imperfektum), *fornutid* (perfektum), *fjrdatid* (plusquamperfektum), *fremtid* (futurum), *fortidsfremtid* (futurum in præterito), *førfremtid* (futurum exactum), *fortidsførfremtid* (futurum exactum in præterito) [9]. Возврат к некоторым положениям работ К. Миккельсена, касающимся номенклатуры глагольных форм в датском, является знаменательным, ибо именно К. Миккельсен представил систему форм датского глагола (в рамках индикатива) с наибольшей полнотой.

Н. Бервиг посвящает свою работу сопоставительному исследованию семантической структуры глагола в русском и датском языках, уделяя особое внимание проблемам перевода. Если Э. Урскоу подвергает конкретному анализу четыре формы (презенс, претерит, перфект, плюсквамперфект), то Н. Бервиг включает в рассмотрение восемь форм и пытается определить дифференциальные семантические признаки противочленов выделяемых оппозиций.

Очевидно, что определение категориальных значений финитных форм датского глагола возможно только на основе системного описания всего комплекса форм, входящих в собственно парадигму и в расширенную парадигму глагола [см. 10], поскольку выделение, классификация и выявление значений единиц языка должны производиться через анализ структуры их отношений в общей системе [11—13]. Так, при интерпрета-

ции дифференциального семантического признака претерита недостаточно учитывать лишь его соотношение с презенсом. Важно выявить различия между значениями претерита и перфекта, претерита и плюсквамперфекта.

Классические датские грамматики включают в систему финитных форм актива четыре формы: презенс, претерит, императив и оптатив (формы страдательного залога на -s образуют особую подсистему) [1, 2; 14—16]. Общая классификация финитных форм связывается с выражением «степени реальности» действия («realitetsgraden»). На основе этого родового понятия презенс, претерит, императив и оптатив противопоставляются соответственно как «realitetsform», «afstandsform», «påbudsform» и «ønskeform» [1, с. 140—146; 2, с. 125—127; 14, с. 79—81; 15, с. 24]. Признаком «afstand» датские лингвисты пытаются объединить реальный и ирреальный варианты претерита. Одновременно презенс и претерит противопоставляются как временные формы: «nutidsform» и «datidsform». Эту непоследовательность традиционной концепции критикует Э. Урскоу: «Если в претерите особо подчеркивается абсолютное прошедшее, то представляется непоследовательным утверждение, что такая ярко выраженная временная форма (по П. Дидериксену) также используется для выражения модальных отношений» [8, с. 301].

Весьма важен парадигматический анализ систем генетически родственных языков. Однако осознание своеобразия строя датского глагола должно исключить всякое предвзятое толкование. Приведем некоторые примеры несоответствий норм употребления материально тождественных элементов датского и других германских языков, отмечаемых в лингвистической литературе. О. Есперсен сравнивает: дат. *Jeg har kendt ham i to år* и нем. *Ich kenne ihn seit zwei Jahren*; дат. *Har De været i Berlin?* и нем. *Waren Sie in Berlin?* [17, с. 392—394]. Э. Урскоу сопоставляет английский и датский: англ. *Were you ever in Paris?* и дат. *Har du været i Paris?*; англ. *I did my best* и дат. *Jeg har gjort mit bedste*; англ. *He did it* и дат. *Det er ham, der har gjort det* [7, с. 296].

Попытки выявить инвариантное значение каждой из финитных форм глагола в датском (прежде всего претерита и презенса) привели к осознанию невозможности сформулировать эти значения в терминах, соответствующих концептуальному представлению о членении времени реальной действительности на настоящее, прошедшее и будущее. О. Есперсен отмечает: «Число временных форм меняется от языка к языку, но настоящее, прошедшее, будущее с их дополнительными подразделениями существуют для всех наций независимо от грамматики языка» [17, с. 371]. Еще Х. Вивель подчеркивал, что при непредвзятом грамматическом анализе формы презенса и претерита неизбежно обнаруживают особый и более случайный характер своего в р е м е н н о г о значения [1, с. 141]. Э. Урскоу пишет: «Как раз тот факт, что датский в противоположность, например, латинскому имеет столь малую возможность выразить абсолютное время с помощью одних лишь глагольных морфем свидетельствует о том, что надо искать иные основания для установления их коммуникативной функции» [8, с. 302]. К аналогичному выводу приходит и Н. Бервиг: «Следует отказаться от понятия „время“ в качестве основания для определения семантической оппозиции презенса и претерита. Должна быть найдена иная основа. Но какая?» [7, с. 20].

Пытаясь преодолеть противоречия грамматической традиции, Э. Урскоу обращает внимание на известное положение индоевропеистики о первичности категории вида (аспекта) по отношению к категории времени и выдвигает в этой связи в качестве дифференциального семантического признака маркированного претерита значение завершенности действия/состояния по отношению к ситуации речи [8, с. 304]. Соответственно немаркированный презенс не содержит указания на завершенность действия/состояния. Признак завершенности в таком понимании трактуется Э. Урскоу как аспектуальный. В оппозиции «претерит — перфект» немаркированным оказывается перфект [8, с. 311]. Понимание завершенности и аспектуальности оказалось у Э. Урскоу связанным с временной дистантностью. В отношении плюсквамперфекта выдвигается явно несостоя-

тельное утверждение, что эта форма употребляется лишь в случае согласования времен.

Н. Бервиг заменяет признак «время» признаком «перспектива» вслед за Х. К. Сёренсеном, различающим «ближнюю перспективу» («nærperspektiv») и «дальнюю перспективу» («fjernperspektiv») [18]. Отметим, что Н. Бервиг включает в парадигму не только перфект и плюсквамперфект, но также будущее и будущее в прошедшем [7, с. 20—25].

Когда Х. Вивель, П. Дидериксен и др. включали в систему временных форм лишь две синтетические формы, они выделяли для каждой из них по одному инвариантному семантическому признаку. Включение в систему дополнительных элементов должно иметь своим логическим следствием вычленение определенного числа новых признаков. Их количество, распределение и содержание должны соответствовать структуре моделируемой системы в целом. В этой общей системе каждый элемент характеризуется не одним, а рядом дифференциальных признаков¹. Для интерпретации дифференциальных семантических признаков элементов системы релевантно соотношение всех форм, а не только противочленов отдельных бинарных оппозиций. Так, например, для выявления категориального значения претерита важную роль играет не только оппозиция «претерит — презенс», но и корреляция «претерит — перфект». Некоторые языковые факты приобретают при этом ключевое значение.

Сопоставляя нормы употребления претерита и перфекта и рассматривая их коммутабельность, датские лингвисты отмечают, что обе формы взаимозаменяемы при обозначении денотативного прошедшего только при постановке темпорального обстоятельства после сказуемого: *Jeg reparerede cyklen i går* и *Jeg har repareret cyklen i går*. Но при начальной позиции обстоятельства *igår* возможен только претерит: *I går reparerede jeg cyklen*. В случае употребления перфекта с обстоятельством времени в постпозиции отмечается как бы побочность, второстепенная значимость указания на время совершения действия [17, 7, 8]. Х. Вивель обращает внимание на логическую выделенность обстоятельства времени в препозиции и связанную с этим норму употребления претерита. Он сопоставляет: *Gud har skabt himlen og jorden*, но *i begyndelsen skabte gud himlen og jorden*; *dampere har ringet anden gang (for to minutter siden)*, но *for to minutter siden ringede dampere* [1, с. 144].

В нашем материале обстоятельства времени, обозначающие денотативное прошедшее, встречались только в постпозиции к сказуемому, выраженному формой перфекта. Это означает, что помимо обозначения денотативного прошедшего в датском языке сигнификативно должна быть выражена отнесенность события либо к ориентирам воспроизводимым, находящимся вне речевого акта (мы их называем ситуативными), либо — к ориентирам непосредственно речевым, связанным с актом коммуникации. Событие, представленное как разобщенное (во времени и пространстве) с параметрами коммуникативной ситуации, обозначается претеритом, а событие, неразобщенное с континуумом настоящего, обозначается перфектом. Признак «неразобщенность» отчетливо проясняется, если высказывание, например, связано с наблюдаемым объектом. Х. Вивель приводит характерный контекст: *Det har da været en slem tand* (зубной врач, рассматривая вытасненный зуб, делает заключение по его виду) — *ja, det var en slem tand* (пациент отвечает, основываясь на позитивном знании) [1, с. 179].

О разграничении в обозначении неразобщенного и разобщенного прошедшего события свидетельствует также разная реакция перфекта и претерита на наречие *lige* «только что». По-датски можно сказать *Jeg har lige spist*, но нельзя **Jeg spiste lige* или **Lige spiste jeg* [8].

¹ Дифференциальные семантические признаки не равнозначны семантическим свойствам коррелирующих форм, на что обратил особое внимание Р. Якобсон [19].

Любопытно проследить также зависимость значений перфекта и обстоятельств циклического времени от порядка слов: *Vi har spist kl. 5* «Мы поели в 5 часов» обозначает денотативное прошедшее, а *kl. 5 har vi spist* «В 5 часов мы поедим» обозначает денотативное будущее. Аналогично *Han er rejst den 3. maj* «Он уехал 3-го Мая» и *Den 3. maj er han rejst* «3-го мая он уедет» [17, 7]. Таким образом, начальная позиция обстоятельства времени в сочетании с перфектом является показателем футурального значения перфекта и сигнификативной неразобщенности события и коммуникативной ситуации (за счет прогностического компонента). В этот же ряд фактов вписывается связь футурального значения перфекта с союзами *når* и *hvis*. Союзы *hvis* и *når* сигнализируют об ориентации события на параметры, связанные с коммуникативной ситуацией.

Для определения инвариантного значения датского претерита показательной является также возможность его употребления в предложениях субъективной оценки типа *det var da en dejlig blomst*. Стилистический эффект претерита в этой «особой функции» основан, как отмечают датские грамматисты, на том, что оценка дается как бы на расстоянии. Ни в немецком, ни в английском языках такой вариант претерита невозможен.

При трактовке категориального значения претерита необходимо принимать во внимание и семантические особенности повествовательного претерита, который сочетается с контекстуальными показателями линейного развертывания событий, включая наречие *nu* «сейчас» и обстоятельства следования. Ср.: *Foran domkirken stod træerne næsten nøgne n u* (E. Jensen, *Dommen*); *Den uæstede dag var en søndag. Morten var tidlig oppe og tog ud på kirkegården* (M. A. Nexø, *Pelle Erobreren*).

Претерит с темпоральными ориентирами календарного будущего используется также в художественной фантастике. Ср. действие романа А. Бодельсена, относимого к 2022 г.: *Kronologisk var Bruno enogfirs år, biologisk højst treogtredive, da man vækkede ham fra de frosnes verden for anden gang* (A. Bodelsen, *Frysepunktet*).

Весь комплекс возможных контекстуальных условий свидетельствует о том, что категориальное значение претерита целесообразно определить как «пространственно-временную разобщенность события и коммуникативной ситуации». На этом значении базируется, конечно, основная денотативная функция претерита — обозначение прошедшего события, разобщенного с моментом речи. Событие, обозначаемое претеритом, располагается на самостоятельной пространственно-временной оси, что обуславливает текстообразующую функцию претерита.

Остальные претеритальные формы датского глагола — плюсквамперфект, будущее в прошедшем I и чрезвычайно редкая форма будущего в прошедшем II, отличаясь от претерита определенными семантическими признаками, также выражают признак «разобщенность» и противопоставляются на этой основе всем презентным формам.

К презентным формам принадлежат помимо презенса, также перфект, футурум и футурум II. Их свойства, обусловленные отсутствием признака разобщенности, ярче всего проявляются, разумеется, в немаркированном презенсе.

Общими для всех презентных форм свойствами являются: 1) обозначение пространственно-временной непрерывности действительности, 2) включение речевого акта и события в эту непрерывность, а отсюда 3) пространственно-временная неразобщенность события и коммуникативной ситуации. Подчеркнем, что под «событием» мы подразумеваем не референцию самого процесса выполнения действия его субъектом, а отнесение всех элементов, образующих нексус, к определенному временному пространству. В связи с этим показательны примеры типа *Caesar skriver i sin gallerkrig..* или *Saxo siger...*, в которых презенс обычно рассматривается как исторический, а его употребление — как транспозиция. С нашей точки зрения, употребление форм презенса в подобных предложениях может быть объяснено с позиций исключительно парадигматических: значение неразобщенности события и коммуникативной ситуации опирается в этих случаях на включенность облигаторного объектного актанта (в том числе

и при незамещенной позиции объекта) в пространственно-временную непрерывность действительности. Тожественные отношения обнаруживаются в страдательных конструкциях типа *Afstandsformen betragtes i Wiwels bog som...* Возможная замена презенса претеритом свидетельствует лишь о смещении фокуса с объекта на субъект. К актуальному презенсу в широком смысле причисляется также вневременное, обобщающее, качественное, итеративное значение презенса, ибо время протекания события не ограничено никаким темпоральным пределом. Напротив, так называемый актуальный презенс в узком смысле слова, т. е. обозначение процесса, совершающегося или выполняемого именно в момент речи, требует, как правило, введения в датское предложение дополнительных актуализаторов: *Han sidder og drikker te; Han er ved at drikke te; Grenen er ved at knække* [*Han drikker te* может означать «он пьет (обычно) чай (а не кофе)»]; *Grenen knækker* — действие в будущем]. Другие способы выражения длительности: *Priserne er stigende; Priserne er faldende; Han er døende*.

Темпоральную зону датского презенса можно охарактеризовать, используя формулировку А. И. Смирницкого, как «время, лишь включающее в себя момент данной речи, но по своей длительности не ограниченное какими-либо установленными пределами» [20, с. 340]. В высказываниях, содержащих указание на отнесенность события к определенному темпоральному пределу, употребляется форма перфекта: *Han har boet her s i d e n j u i t; Jeg har siddet her i t o t i m e r* (инклюзивный перфект).

Датский перфект также является презентной формой, обозначающей событие, не разобценное с коммуникативной ситуацией и располагающееся на пространственно-временной оси континуума настоящего. О презентном характере перфекта свидетельствуют многочисленные факты, в том числе его сочетаемость с обстоятельствами длящегося настоящего, типа *i de sidste år, i år, i sæsonen, de sidste dage, i den seneste tid, foreløbig, efterhånden* и т. п. Ср.: *I de sidste år har en ny tendens aftegnet sig i billedkunsten...* (Land og Folk, 1982, 21 мая). Презентный характер перфекта обусловлен ориентацией события на предел, совпадающий обычно с моментом речи и обозначаемый эксплицитно наречием *nu* «сейчас». Ср.: *..tror du ikke, din mor er kommet hjem n u* (Т. Ditlevsen, Barndommens gade). В датском языке нормой является также употребление перфекта в футуральном значении в придаточных времени с союзами *når* и *indtil* (*til*) и условия с союзом *hvis*. Ср.: *Sig, at jeg kommer, når jeg har vasket mig* (М. Petersen, Kelneren, der stjal sin lykke); *Hvis han ikke er kommet om fem minutter går hun ind igen og lukker ikke op hvis det ringer* (Т. Ditlevsen, Barndommens gade).

На связь действия, обозначаемого перфектом, с настоящим указывается во многих работах, посвященных перфекту в германских языках. В. Н. Ярцева определяет центральную семантическую зону перфекта для однопорядковых форм английского и немецкого языков как «факт свершения действия и факт его связи с тем, что продолжает существовать и в настоящий момент» [21, с. 78—79]. Г. Н. Воронцова характеризует категориальное содержание перфекта в английском языке как значение преемственной связи между настоящим и прошлым [22, с. 20]. Б. Херцлик подчеркивает, что в семантике перфекта наличествует представление о «результате сейчас» или «восприятии сейчас» [23]. Ссылки на авторов, отмечающих связь перфекта с моментом речи, можно было бы значительно расширить. Не касаясь пока оппозиции «перфект — презенс», отметим, что перфект обнаруживает все перечисленные выше свойства презентных форм.

Не образует собственной временной оси и датский футурум (*vil* + инфинитив). С одной стороны, здесь сказывается сравнительно невысокая степень парадигматизации будущего, образованного с помощью широко употребительного модального глагола *ville*, имеющего самостоятельное лексическое значение, а потому сохраняющего прогностический компонент значения, связывающий будущее с речевой ситуацией настоящего. (Будущее со *skulle*, имеющее когортативное значение, мы относим к расширенной парадигме в связи с еще более низкой степенью грамматизации и

еще более тесной связью со спектром значений самостоятельного модального глагола.) С другой стороны, показательным является распределение форм футурального презенса и футурума в сложных предложениях. В придаточных условных и временных с союзами *når* и *hvis* может употребляться только футуральный презенс [24], а футурум в главном предложении приобретает значение следования. Ср.: *Men når han får det at vide, vil hans øjne nok også blive kønne* (К. Sønderby, En kvinde er overflødig). С этим согласуется и норма употребления презенса при обозначении конкретного факта, соотношенного с параметрами календарного будущего, например, в объявлениях: *Banker og sparekasser i Storkøbenhavn holder onsdag før Kristi Himmelfartsdag åbent kl. 9.30 — 18.00* (Land og Folk, 1983, 15 мая). Аналогичным образом употребляется презенс и в сообщениях о сроке осуществления тех или иных планируемых мероприятий. Ср.: *En meget flittig bankrøver stilles midt i næste måned for en nævningedomstol i Esbjerg...* (Land og Folk, 1983, 18 мая). Невозможно употребление футурума и по отношению к ситуативному моменту (в отличие, например, от русского и немецкого языков), т. е. в плане повествования. Это означает, что датское будущее не имеет самостоятельной фокусирующей функции, его функция только ориентирующая. Симметричное значение имеет и будущее в прошедшем (*ville* + инфинитив), всегда ориентированное на речевой воспроизводимый момент. Само наличие формы будущего в прошедшем свидетельствует об отсутствии независимой точки отсчета у форм будущего, о релятивном характере их значения. По этим причинам события, обозначаемые формами, имеющими показатель футуральности (*vil/ville* + инфинитив), располагаются в датском языке на одной из двух пространственно-временных осей. Отсюда следует, что футурум является презентной формой, обозначающей событие, неразобщенное с коммуникативной ситуацией. Прогностический характер футурума очевиден в следующих примерах: *...denne gang tror jeg virkelig det vil lykkes mig at skabe et værk af blivende værdi...* (F. Søeborg, Den store detektiv); *Kærlighed er et problem, der aldrig vil finde en løsning* (Aktuelt, 1978, 19 ноября); *...det er hans håb, at han inden ret længe vil kunne overraske Dina ved at møde med den længselsfuldt ventede lille roset i knaphullet* (H. Pontoppidan, Når vildgæssene trækker forbi). То же относится и к чрезвычайно редкой форме футурума II, в семантической структуре которой прогностический компонент выступает еще более резко. Ср.: *...den, der har fulgt den foregående udvikling, vil nu have indset...* (H. Wiwel, Synspunkter for dansk sproglaere); — *Nu har De lovet forbrugerbudsmændene at gøre rent bord. Hvornår vil det være sket?* (Aktuelt, 1978, 19 ноября). В грамматиках приводятся обычно примеры типа *Når du kommer i Oslo, vil han være rejst*, где форма перфектного будущего имеет результативное значение с сохранением ярко выраженного прогностического компонента при сочетаемости с формой футурального презенса (в придаточном возможен также футуральный перфект).

Итак, все маркированные претеритальные формы в датском, положительно выражающие дифференциальный семантический признак «пространственно-временная разобщенность события и коммуникативной ситуации» противопоставлены всем презентным формам, не обладающим этим признаком. Трактую, вслед за В. Н. Ярцевой, грамматическую категорию как «систему противопоставленных морфологических форм, передающих определенные грамматические значения» [25], мы рассматриваем противопоставление претеритальных и презентных форм как категориальное. Соответствующую категорию целесообразно именовать категорией пространственно-временной временной дейксиса.

Пространственно-временной дейксис охватывает все формы индикатива и включает бинарные оппозиции, элементы которых противопоставлены по выраженности/невыраженности признака «разобщенность»: «претерит — презенс», «плюсквамперфект — перфект», «будущее в прошедшем — будущее», «будущее в прошедшем II — будущее II». Корреляции между остальными элементами обоих рядов носят осложненный характер, ибо другие формы противопоставлены по двум или даже трем признакам.

Концептуально категория пространственно-временного дейксиса связана с представлением о пространственно-временной прерывности/непрерывности действительности, соотносимой с речевым актом. Экспоненты категории пространственно-временного дейксиса имеют своей семантической функцией отображение реальных событий либо в их связи с параметрами коммуникативной ситуации (*я/ты/здесь/сейчас*), либо в их оторванности от этой ситуации. Из соотносительности с ситуацией коммуникации вытекает д е й к т и ч е с к и й характер грамматического значения этой категории. Благодаря ориентации всех презентных форм на параметры непосредственной коммуникативной ситуации создается картина пространственно-временной непрерывности действительности с отношениями «одновременно», «до» и «после» речевого акта. Претеритальные формы обозначают события, ориентированные на параметры в о с п р о и з в о - д и м ы е, разобщенные с актом коммуникации и располагающиеся на самостоятельной пространственно-временной оси. Это различие релевантно прежде всего при выборе форм, обозначающих денотативное прошедшее (претерит — перфект — плюсквамперфект). В определенных условиях оно важно также и при возможном варьировании в употреблении форм презентного и претеритального будущего.

Неотъемлемым звеном в нашей интерпретации дихотомии презентных и претеритальных форм в датском языке является также трактовка соотношения перфектных и неперфектных, футуральных и нефутуральных форм, потому что содержание именно этих оппозиций раскрывает грамматические истоки выражения реляционных темпоральных значений «до» и «после», создающих картину временного континуума.

Датские перфект и плюсквамперфект обнаруживают редко встречающуюся в других языках симметрию значений. Заметим, что употребление плюсквамперфекта в датском не описано сколько-нибудь адекватно ни в одной работе. Обе перфектные формы выражают отношение действия к внешнему для него темпоральному пределу как ориентир ретроспекции или пределу пресеченности, в результате чего формируются ретроспективное, ретроспективно-инклюзивное и результативное значения. Ретроспективный или результативный характер значений перфекта и плюсквамперфекта зависят от н а п р а в л е н н о с т и действия относительно предела. Для выявления характера перфектного значения важны как типы соответствующих темпоральных обстоятельств, так и другие синтагматические факторы: лексико-семантический разряд глагола, порядок слов, употребление артиклей и указательных местоимений, тема-рематическая структура высказывания и т. д.

Парадигматически перфект соотносен с параметрами коммуникативной ситуации, а плюсквамперфект — с параметрами ситуативными в силу отнесенности этих форм к разным рядам категории пространственно-временного дейксиса. Обозначая событие на оси континуума настоящего, перфект соотносен с темпоральным пределом, в качестве которого обычно выступает момент речи. Как это ни парадоксально, перфект является в большей мере временной формой, чем презенс.

Симметрия перфекта и плюсквамперфекта поддерживается двумя особенностями в структуре высказываний, связанными с нормами функционирования финитных форм в датском: 1) симметрией плана речи и плана интегрированной (воспроизводимой, репродуцируемой) речи; 2) возможностью транспозиции презенса и перфекта в план повествования. Закономерности формирования ретроспективного значения одинаковы для перфекта и плюсквамперфекта, потому что это значение не модифицируется в зависимости от локализации темпорального предела как ориентира ретроспекции. Что касается результативного значения (результативность интерпретируется в смысле «пресеченность»), то оно модифицируется в зависимости от отнесенности к плану речи или плану повествования. Результативный перфект парадигматически обозначает действие, ориентированное на момент речи как на предел пресеченности в контексте «длительного сейчас». Результативный же плюсквамперфект обозначает пресеченное действие в линейной цепи последовательных событий. При этом результа-

тивный плюсквамперфект в плане интегрированной речи приобретает значение, симметричное значению перфекта в плане речи (что обусловлено ориентацией на речевой момент), в то время как результирующий перфект при его транспозиции в план повествования приобретает значение, аналогичное значению совершенности, парадигматически выражаемому плюсквамперфектом. Ср. ретроспективное значение перфекта и плюсквамперфекта: *Hvem er du? Har jeg nogen s i n d e set dig før?* (H. Branner, *To minutters stilhed*); *Jeg gik over og tog hende i hånden. Det havde jeg aldrig gjort før...* (K. Rifbjerg, *Den kroniske uskyld*). Результирующее значение перфекта в плане речи и плюсквамперфекта в плане интегрированной речи: *Er der kommet nogen tilbage?* (E. Hansen, *Dæmonernes Port*); *Så er det sket, piger!* (*Billedbladet*, 1983, 2 июня); *Uden at kunne bevise det vil jeg hævde, at disse udtryk har bredt sig i de senere år, ... de er blevet hyppigere, navnlig i hovedstadsområdet* (J. Lund, *Sprog og sprogbrug i dag*); *Nysgerrigheden kæmpede og brød i hende. Hvorfor troede han ikke, hun var kommet? Troede han, at hun ikke elskede ham mere?* (E. Jensen, *Dommen*); *Det forekom ham, at der var sket noget med værelset* (K. Vjarnhof, *Bag hækken*). Результирующее значение плюсквамперфекта и перфекта в плане повествования: *«Ja, ja» - sagde jeg. Så havde jeg lagt røret på og var på vej ned til skolen igen* (K. Rifbjerg, *Den kroniske uskyld*); *Min kone havde sendt mig i byen for at købe noget pålæg* (F. Søbørg, *Afregning*); *Da de er gået, spiser far og mor resten af æbleskiverne til en ekstra kop kaffe, mens de diskuterer det nye familiemedlem* (T. Ditlevsen, *Barndommens gade*); *Telefonen står i vindueskammen. Uden han er vågnet har Bruno taget de fem kolde skridt over gulvet og står med telefonen i hånden* (A. Bodelsen, *Frysepunktet*). Перфектные формы с результирующим значением обладают самостоятельной текстообразующей функцией. Это положение распространяется и на плюсквамперфект. Подтверждением фокусирующей функции результирующего плюсквамперфекта служат зачины произведений, опирающиеся на эту форму; включение событий, обозначаемых плюсквамперфектом, в цепочку следующих друг за другом действий; замыкание этой цепочки.

Итак, перфектные формы противопоставлены неперфектным формам по признаку выраженности/невыраженности отношения действия к внешнему для него темпоральному пределу. Противочленами привативных оппозиций являются «перфект — презент» и «плюсквамперфект — претерит». Корреляция «перфект — футурум» и «плюсквамперфект — будущее в прошедшем» проходит по двум дифференциальным признакам. Перфектными являются также формы будущего II и будущего в прошедшем II, образующие привативные оппозиции с соответствующими формами будущего I и будущего в прошедшем. Все финитные формы датского глагола участвуют в противопоставлении по наличию/отсутствию дифференциального семантического признака «предел». На основе данного противопоставления формируется грамматическая категория, которую, видимо, целесообразно назвать категорией темпорального аспекта. Можно назвать эту категорию и «видом», учитывая, однако, что видовое противопоставление перфектных и неперфектных форм в датском языке носит аспектальный, а не акциональный характер.

Для того чтобы проиллюстрировать разницу между акциональным характером русской категории вида и аспектуальным характером видовой дихотомии перфектных и неперфектных форм в датском, рассмотрим перевод примеров, приводимых В. В. Виноградовым [26], на датский язык: (1) «Вдруг пришел возвратившийся из города обломовский мужик, и он доставал, доставал из-за пазузи, наконец, насилу достал скомканное письмо на имя Ильи Ильича Обломова» — *«Duft inde fra blusens gemmer trak han langsomt noget ud, og kom til sidst frem med et brev»*; (2) «О боже, вы мне дайте идею: ведь он меня мог убить». — *«Nu, vas-to om by ne ubil. — Ubuval, ubuval!»* — *«Ja ja, han ville jo nok ikke have slået Dem ihjel. — Men det var det, han prøvede på»*; (3) «О, будьте уверены, что Колумб был счастлив не тогда, когда он открыл Америку, а когда он открывал ее» — *«Kolumbus var ikke lykkelig, da han opdagede, men da han søgte efter Amerika»*. Ср. также:

Он долго *решил* задачу, но не *решил*—*Hansad længe og prøvede at løse regneopgaven, men kunne ikke*; Он три раза *сдавал* экзамены, но все-таки не *сдал*—*Tre gange gik han op til eksamen, men alligevel bestod han ikke*. Полемизуя с Х. К. Сёренсенем, Н. Бервиг приводит в качестве адекватного перевода русских предложений а) *Gde Вы сегодня пообедали* и б) *Hvor har De spist til middag i dag?* [7, с. 77—78]. Таким образом, становится очевидным, что как бы мы ни называли противопоставление перфектных и неперфектных форм в датском — категорией вида или аспекта — оно не имеет ничего общего с акциональной по своему характеру категорией вида в славянских языках.

Характеризуя формы будущего в их отношении к категории пространственно-временного дейксиса, мы установили, что они не имеют самостоятельной фокусирующей функции и не создают собственного временного пространства. События, обозначаемые футуральными формами, располагаются соответственно либо на оси континуума настоящего, либо на оси разобщенного прошедшего. Все футуральные формы в датском ориентированы на речевой момент — непосредственный или воспроизводимый (план интегрированной речи).

Для интерпретации дифференциального семантического признака футуральных форм существенны следующие закономерности употребления изофункциональных единиц: 1) употребление футурального презенса при указании точного времени предстоящего события; 2) употребление футурального презенса или футурального перфекта в придаточных времени и условия с союзами *når* и *hvis* и футурума в главной части при выражении реляционного значения следования; 3) употребление футурума в предложениях, где в качестве темпоральных ориентиров для форм будущего с реляционным значением «следование» могут выступать различные элементы контекста; 4) употребление футурума в придаточных дополнительных после глаголов ментального значения в презенсе; 5) наличие инфинитива будущего времени, также зависящего от ментальных глаголов (и их эквивалентов). Следует иметь в виду, что при употреблении сочетания (*vil* + инфинитив) с обстоятельствами точного времени, по нашим наблюдениям, и по свидетельству информантов, глагол *ville* выражает волеизъявление, т. е. *Han re jser den 5. juli* «Он уедет 5-го июля», а *Han vil rejse den 5. juli* — «Он хочет уехать 5-го июля». С этим согласуется норма употребления футурального презенса при обозначении запланированного предстоящего события. Ср. типичный пример: *Hollandsk TV lavede sidste år en udgave af H. C. Andersens eventyr „Nattergalen“, som sendes i a f t e n... Den danske tekst bliver læst af skuespilleren Fritz Helmuth TV k l o k k e n 1 9. 4 5* (Politiken, 1984, 19 апр.).

В отношении сложноподчиненных предложений с союзами *når* и *hvis* (а также бессоюзных условных) важно учитывать, что при выражении реляционного значения одновременности событий в будущем в главной и придаточной частях, в частности, при характеризующем, качественном, квалифицирующем типе сказуемого в главном, нормой является употребление в нем футурального презенса. При выражении значения следования, напротив, нормой является употребление футурума в главной части. Нормой является также употребление футурума со значением следования после предложенных групп с отглагольным существительным при предлоге *efter* или после наречия *derefter*: *Efter Sterns brug af materialet vil det blive overtaget til Forbundsarkivet i Koblenz* (Land og Folk, 1983, 23 апр.); *Efter valget vil han begynde at tænke på sin plads i historien* (Politiken, 1984, 19 апр.).

Прогностический компонент в значении формы футурума сильнее всего выступает в придаточных, зависящих от ментальных глаголов и их эквивалентов: *tro, tænke, mene, formode, regne med. gå ud på, satse på* и др. Например: *Den mest udbredte vurdering går ud på, at der ikke vil ske noget...; Det kan tænkes, at der vil komme bevægelse i forhandlingsituationen...* (Politiken, 1984, 19 апр.). В таких же контекстах употребляется инфинитив будущего времени: *Der kan komme politiske problemer...*,

som formodes at ville strække sig over næsten to år (Land og Folk, 1981, 11 дек).

Таким образом, если принимать во внимание не только те случаи, в которых нормой является употребление футурума, но и те контексты, в которых нормой является «неупотребление» этой формы (сфера значений футурального презенса), то характеристика дифференциального семантического признака футурума окажется более узкой, чем «обозначение события в будущем». Рассмотренные ограничения в употреблении этой формы показывают, что сферой обязательного употребления футурума является выражение реляционного значения следования.

Аналогичным дифференциальным семантическим признаком характеризуется форма будущего в прошедшем (*ville* + инфинитив) по отношению к моменту репродуцируемой речи. Разница, однако, заключается в том, что релятивный характер значения формы становится еще более очевидным, поскольку она употребляется преимущественно в придаточных дополнительных предложениях, причем диапазон значений опорных глаголов в главной части значительно расширяется: *sige, hviske, erklære, råbe, spørge, love, meddele, fortælle, bemærke, vide, beslutte, overveje, mærke, forstå, være sikker på, være klar over, føle, have fornemmelse af* и др. Симметрию будущего и будущего в прошедшем демонстрирует следующий пример: — *T æ n k, hvor vanvittigt det vil være at have alle generationer repræsenteret, sagde hun. Tipoldebarnets mor t æ n k t e p å, hvor vanvittigt morsomt det vil være og lovede at tage barnet med* (F. Søeborg, Fødselsdagen). Форма будущего в прошедшем является также одним из показателей свободно-интегрированной произнесенной или внутренней речи (в датских грамматиках в этой связи используется термин «dækning» или «dækket direkte tale» [27, с. 28, 178—184]. Ср.: *Da han var tolv år, bestemte han, at han ikke ville dø... Maske ville han også blive en stor opfinder eller begive sig ud på farlige rejser i Indien og Afrika...* (К. Bjarnhof, Bag hæ kken). В прямой речи персонажей художественных произведений, а также в актуальных газетных статьях после опорного глагола в претерите, как правило, употребляется не будущее в прошедшем, а будущее I, т. к. в качестве сфокусированного ориентира выступает не момент воспроизводимой речи, а момент непосредственной авторской речи. Ср.: *Han erklærede, at Iran vil starte en ny offensiv* (Land og Folk, 1984, 2 марта); *Embedsmanden sagde, at denne beslutning vil skabe alvorlige problemer* (Land og Folk, 1984, 5 марта). Это положение согласуется с основным выводом исследований В. П. Беркова в отношении аналогичных контекстов в норвежском языке [29].

Перфектные формы будущего, которые приводятся в грамматиках, во всех случаях своего употребления могут быть заменены перфектом и соответственно плюсквамперфектом. В нашем материале, а также в материале, собранном Е. В. Бабушкиной [24], имеется всего несколько примеров будущего II и будущего в прошедшем II. Вместе с тем информанты (преподаватели датского языка) воспринимают эти формы как вполне реальные в контекстах с результативным значением футуральных форм: *N å r du kommer til ham, vil han være rejst/er han rejst; Han vidste, at når han kom til hende, ville hun være rejst/var hun rejst; I morgen vil hun være rejst/er hun rejst*. Футурум II характеризуется признаками «следование» и «предел», а будущее II в прошедшем выражает еще признак «разобщенность».

Таким образом, значение «следование» является дифференциальным семантическим признаком, по которому формы, имеющие показатель футуральности, противопоставлены остальным элементам системы. На основе противопоставления футуральных и нефутуральных форм выделяется грамматическая категория следования. При этом каждая форма индикатива характеризуется выраженностью или невыраженностью дифференциального семантического признака «следование».

Общая система форм индикатива, в которой каждая форма характеризуется пучком из трех дифференциальных признаков, может быть представлена в таблице:

Формы	præs.	fut.	fut. II	perf.	præt.	fut. in præt.	fut. II in præt.	plqupf.
Признаки								
разобценность	—	—	—	—	+	+	+	+
предел	—	—	+	+	—	—	+	+
следование	—	+	+	—	—	+	+	—

Описание семантики форм индикатива, основанное на изучении отношения каждой из них к трем грамматическим категориям, позволяет представить наиболее адекватно принципы функционирования системы [ср. 30].

Грамматические категории пространственно-временного дейксиса, темпорального аспекта (вида) и следования, выделяемые на основе противопоставления форм по трем дифференциальным семантическим признакам, являются сопряженными. При этом категория пространственно-временного дейксиса выступает в качестве основной, а категории темпорального аспекта (вида) и следования — в качестве модифицирующих.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wiwel H. G.* Sunspunkter for dansk sproglære. København, 1901.
2. *Diderichsen P.* Elementær dansk grammatik. København, 1976.
3. *Hansen E.* Dæmonernes Port. København, 1980, s. 36.
4. *Lund J.* Sprog og sprogbrug i dag. København, 1982, s. 47—48.
5. *Henningsen H.* 30 Stunden Dänisch für Anfänger. Berlin— München, 1963.
6. *Einersen H. C.* Grund — Dänisch. København, 1963.
7. *Bjervig N.* Tempus og aspekt. København, 1975.
8. *Uhrskov E.* Hvad bruges verbets tempusformer til i dansk?— In: Skrifter for anvendt og matematisk lingvistik, 1980, № 6.
9. *Mikkelsen Kr.* Dansk sproglære. København, 1893.
10. *Ложитанова Л. М.* О структуре грамматической категории наклонения в датском языке.— ВЯ, 1983, № 5.
11. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1974.
12. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
13. *Солнцева В. М.* Язык как системно-структурное образование. М., 1974.
14. *Rehling A.* Det danske sprog. København, 1951.
15. *Hansen E.* Moderne dansk. Bd. 3. København, 1967.
16. *Jensen E. O.* Dansk grammatik for gymnasiet. København, 1962.
17. *Jespersen O.* Tid og tempus. Fortsatte logisk-grammatiske studier.— Oversigt over det Kongelige Danske Videnskabernes Selskabs Forhandlinger, 1914, № 5—6.
18. *Sørensen H. Chr.* Strukturen i russisk. Bd. 1—2. København, 1973.
19. *Якобсон Р. О.* Круговорот лингвистических терминов.— В кн.: Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971.
20. *Смирницкий А. И.* Морфология английского языка. М., 1956.
21. *Ярцева В. Н.* Контрастивная грамматика. М., 1981.
22. *Воронцова Г. П.* Значение перфекта в современном английском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-кт. филол. наук. М., 1953.
23. *Herzlik V.* Some notes on the Present Perfect.— In: Brno studies in English, V, 1976.
24. *Бабушкина Е. В.* Грамматические средства выражения действия в будущем и их статус в системе датского глагола: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1982.
25. *Ярцева В. Н.* Проблема вариативности и взаимоотношение уровней грамматической системы языка.— ВЯ, 1983, № 5, с. 18.
26. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
27. *Skautrup P.* Det danske sprogs historie. Bd. 4. København, 1968.
28. *Hansen E., Steensig H.* Dansk er mange ting. Sprog og tekst. København, 1981.
29. *Berkov V. P.* Tempusforskynning i norsk.— Maal og Minne, 1970, № 1—2.
30. *Vannebo K. J.* Tempus og tidsreferanse. Tidsdeksis i norsk. Oslo, 1978.